

симиляция всегда имела прогрессивное значение³⁸. Вместе с тем, наличие национально-государственных образований на территории СССР, осуществление ленинской национальной политики по отношению к малым народам, МЭГ и национальным группам в районах их проживания, разнообразные культурные, родственные и иные связи представителей МЭГ с этническим ядром, способствуют устойчивому сохранению у них этнического самосознания.

Рассмотренные стадии этнических процессов у МЭГ представляют взаимосвязанные, но в то же время в определенном смысле самостоятельные этапы единого очень длительного и сложного пути этнического развития малой группы в иноэтнической среде. Они могут доминировать поочередно или совпадать в том или другом соотношении. Каждая стадия характеризуется детерминирующей общностью определенной совокупности черт. Приведенная схема, на наш взгляд, может быть использована в качестве инструмента исследования этнических процессов, механизма поведения МЭГ в ино- или полиэтнической среде, с определенной коррективкой в зависимости от конкретной этнокультурной ситуации.

³⁸ Там же, с. 125, 127.

В. Г. Власов

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Тема данной работы во многом подсказана А. Ермоловым¹, который собрал целую энциклопедию народной сельскохозяйственной мудрости, закреплённой в календарных приметах и рекомендациях, и считал, что дальнейшее тщательное изучение народного календаря приблизит нас к открытию коренных законов природы, предугаданных народной наблюдательностью. Одним из важнейших направлений исследований народного календаря должно быть установление его стиля, или, иначе, идентификация его дат с датами ныне принятого календаря.

Под «народным календарем», «месяцесловом», «календарными приметами» подразумеваются соответствующие понятия, зафиксированные собирателями в XIX—XX вв. и соотнесенные с датами юлианского календаря. Как известно, юлианский календарь неточен: его год длиннее тропического на 11 минут 14 секунд, погрешность в одни сутки накапливается за 128,2 года, или, усредненно, каждые 400 лет образуется расхождение в трое суток². В 325 г., когда юлианский календарь был принят для всего христианского мира, весеннее равноденствие приходилось на 21 марта, летнее солнцестояние — на 22 июня, зимнее солнцестояние — на 22 декабря. В X в. эти явления наблюдались соответственно 16 марта, 17 июня и 17 декабря (погрешность в пять суток) по юлианскому календарю, в XVI в. — 11 марта, 12 июня и 12 декабря (погрешность в 10 суток), в начале XX в. — 8 марта, 9 июня, 9 декабря (погрешность в 13 суток). Реформа календаря, проведенная в нашей стране в 1918 г., когда была ликвидирована 16-вековая погрешность юлианского календаря, возвратила календарную ситуацию IV в.: соответствующие астрономические явления снова пришлись на те же даты, что и во времена Никейского собора.

На этой подвижности юлианского календаря основано известное правило пересчета дат исторических событий на современный (григорианский) календарь. Даты событий, имевших место в IV в., отождествляются с датами современного календаря; даты событий V в. переводятся

¹ Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. Спб., 1901, с. 554.

² Селешников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970, с. 63—68.

на него с поправкой в одни сутки; событий X в. — с поправкой в пять суток; событий XX в. — с поправкой в 13 суток³. Например: день Куликовской битвы, происшедшей 8 сентября 1380 г. по юлианскому календарю, в современном календаре приходится на 16 сентября, так как поправка для XIV в. составляет восемь суток.

Принятие народом юлианского календаря и совмещение с ним всего объема наблюдений, примет, предсказаний и т. п. было историческим событием, время которого надо определить, чтобы вычислить соответствующую поправку и пользоваться ею при пересчете выделенных народом дат.

Отметим сразу одну черту народного календаря, на первый взгляд довольно заурядную: каждая примета (или наблюдение) обычно жестко связана с определенным днем юлианского года, а не с двумя-тремя соседними днями, т. е. не размыта по календарю. Например, приметы: день ясный, солнечный — к урожаю яровых, особенно гречи, дождь — к урожаю ржи — падает на 25 марта, а не на интервал 24—25, 25—26 или 24—26 марта; если восход солнца в туманной дымке — год хлебородный, а если восход ясный — перепаживай озимое поле и засевай яровиной — это решение принимали утром 10 апреля, но не 9-го или 11-го; молиться о защите от огня и молнии надо было 4 сентября (а не с 3-го по 5-е); быть у воды — 8 сентября (а не с 7-го по 9-е) и т. д. Эта конкретность, столь привычная для нас, несет ценную информацию: она говорит о том, что «встреча» народных примет и юлианского календаря произошла в течение довольно короткого времени — около 100 лет (когда погрешность юлианского календаря, определяемая простыми наблюдениями, не превышала одних суток). Кстати, некоторое представление о реальном интервале, необходимом для смены календарных стилей в бытовом плане, можно получить из опыта реформы 1918 г.: «старый стиль» как явление живое и полное глубокого смысла сохраняется в памяти одного-двух поколений — в активной жизни общества — не более 60 лет; затем оказывается, что пользоваться двумя календарями сразу неудобно и не нужно, и «старый стиль» постепенно забывается.

На вопрос, когда именно русский народ принял юлианский календарь, современная научная традиция дает невольный ответ, переводя приметные дни со старого стиля на новый с поправкой в 13 дней: она тем самым утверждает, что это событие произошло в первые 18 лет XX в., что явно не верно. Вместе с тем сам месяцеслов отвечает на этот вопрос ясно и однозначно. Днем летнего солнцестояния считается здесь 12 июня — день Петра Афонского («Петр-солнцеворот»), днем зимнего солнцестояния — 12 декабря (день Спиридона-поворота). Солнцестояния в эти дни были в XVI—XVII вв., когда погрешность юлианского календаря достигла 10 суток. Реальность астрономических явлений — единственное достоверное объяснение того факта, что скромные христианские святые стали носителями отдельных черт солнечного культа. Вывод: русский народ соотносил свои календарные приметы и наблюдения с датами церковного календаря в период не более 100 лет, в течение XVI—XVII вв. Следовательно, даты месяцеслова надо переводить на современный календарь с поправкой не в 13, а в 10 дней (о возможных исключениях см. ниже).

Календарную систему, даты которой скорректированы по отношению к юлианскому календарю на 10 дней, правомерно считать особым календарным стилем, ибо подобным образом при григорианской реформе был получен так называемый «новый стиль». Поскольку рассматриваемая календарная система характеризуется не столько цифровыми соотношениями, сколько тем, что несет значительную хронологическую информацию, накопленную русским народом, эту систему предлагается назвать «русским календарным стилем» (по аналогии с ним возможны другие этнические календари, образованные подобным образом: уста-

³ Там же, с. 71—72.

новлением времени соединения предшествующего народного календаря с государственным подвижным календарем — юлианским, мусульманским и т. д.).

Возможность существования «русского календарного стиля» предполагал В. И. Чичеров: «Для времени оформления церковно-бытового обрядового календаря периода образования великорусского народа надо принять поправку в датах обрядов в количестве 8—10 дней»⁴. Однако он не настаивал на такой поправке (отличной от 13-дневной) и, главное, не уточнил ее, чем явно недооценил строгости календарных явлений. Примета, на основании которой строится предсказание, связана с конкретной датой, т. е. отстоит от дня солнцестояния на определенное число дней. Например: «На Самсона дождь — семь недель тож»; наблюдать дождь надо на Самсона-странноприимца — 27 июня по юлианскому календарю, в XVI в. он приходился на 15-й день после летнего солнцестояния (7 июля по григорианскому календарю). При сбое календаря на один день наблюдение за дождем будет производиться уже в 16-й день, при сбое в два — в 17-й и т. д., но народная мудрость вовсе не утверждает, что дожди и в эти дни предвещают семинедельную мокрядь (если 15-й день после летнего солнцестояния был сухим).

В виде иллюстрации ниже предлагается краткая выборка из народного календаря с переводом дат на «русский календарный стиль» (см. таблицу).

Проблема русского календаря проливает новый свет как на наши представления о народной культуре, так и на ряд явлений русской истории XVI в. По-новому вырисовывается построение народного дохристианского календаря, до этого времени весьма туманное. Достоверно было известно лишь то, что такой календарь существовал, т. е. что народ был знаком с принципами календарного счета. Это соответствовало общему представлению о народной культуре как об упрощенном варианте городской культуры. В действительности же русский календарь свидетельствует о том, что до принятия христианства народ пользовался автономной, тонко отлаженной календарной системой, сопоставимой с юлианской. Если учесть, что юлианский календарь был для своего времени грандиозным научным достижением, стройность и математическое изящество которого восхищали таких хронологов, как Ж. Скалигер, В. Болотов и др., то этот ракурс требует серьезного осмысления. Поэтому ниже будут кратко рассмотрены некоторые аспекты народного дохристианского календаря.

Русский календарный стиль (т. е. совмещение сельскохозяйственных примет и наблюдений русского народа с юлианским календарем) возник в XVI—XVII вв. Для этого были необходимы две предпосылки: 1) народные приметы древнее периода соединения их с юлианским календарем; 2) эти приметы опирались на строгий, астрономически точный календарь.

1) Древность русской фольклорной традиции (поговорки, приметы), разделом которой является народная агрономия, доказательств не требует. Возможно, эта проблема нуждается в некотором уточнении в связи с календарным приурочением сельскохозяйственных примет.

Народный календарь как неотъемлемый компонент народной культуры — явление общепризнанное. «Наряду с официальным счетом времени... во всяком обществе существовал народный счет, применяемый в быту и тесно связанный с хозяйственной деятельностью»⁵. Необходимость в календаре появляется в раннем неолите в связи с возникновением земледелия и скотоводства⁶. Вместе с тем ясно, что изначально он был не просто «численником», а календарем аграрным: счет дням и сельскохозяйственные заметы были сплавлены в нем нерасторжимо, так

⁴ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. — В кн.: Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XL. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 24.

⁵ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М.: Высш. шк., 1981, с. 5.

⁶ Там же, с. 28.

что в целом «он может быть понят как созданный на ранних этапах земледелия свод указаний для практической деятельности человека»⁷. Третьим компонентом этого сплава была календарная роспись обрядов; исследователи согласны в том, что аграрные обряды русских крестьян глубоко архаичны, так как в их основе лежит «система магии растительного плодородия»⁸.

Языческая первооснова таких праздников, как Иван Купала, Ильин день, Рождество, Благовещение, изучена глубоко и всесторонне. Меньше внимания уделялось тем дням, в которые должны были проводиться языческие обряды. Например: в ночь на 28 января (здесь и далее ст. ст.) «закармливали» домового, ублажали его и 8 ноября, 18 января выгоняли ведьм, 3 апреля приносили жертву водяному, 15 сентября — водяному и домовому сразу, в ночь на 22 августа сторожили гумно от лешего, 10 мая праздновали именины Земли, 5 июля отмечали «месяцев праздник», 8 апреля — встречу Солнца и Месяца и т. д.⁹ Эти реликты языческих верований, жестко связанные с календарем, являются наиболее убедительным свидетельством древности всего народного календаря как единого целого, включая и его сельскохозяйственный пласт.

В качестве дополнительного аргумента в пользу сказанного может служить анализ набора христианских святых, именами которых обозначены даты месяцеслова. Если бы цикл примет строился на базе церковного календаря, то в первую очередь были бы упомянуты виднейшие фигуры христианского пантеона и столпы христианского учения. Это значит, что приметы должны были бы относиться к дням памяти именно этих деятелей, а при той обычной ситуации, когда на каждый день приходится несколько святых разной иерархии, дни должны называться по святому высшей категории. Однако на деле месяцеслов выглядит далеко не так; сплошь и рядом его календарные вехи — дни «второстепенных» мучеников или архиереев: Трифон (1 февраля), Фалалей (20 мая), Анкидин (2 ноября) и др., отмечены два чтеца — Федул (5 апреля) и Прокопий (22 ноября), но опущены праотец Авраам и его племянник Лот (9 октября), брат господень апостол Иуда (19 июля) и его родственник апостол Симеон (27 апреля), родители богоматери Иоаким и Анна (9 сентября), апостол и евангелист Лука (18 октября), большая часть апостолов из числа 70, большая половина ветхозаветных пророков. Нетрудно убедиться, что такая «несправедливость» выдержана по всему народному календарю: приметные дни в нем определяются отнюдь не авторитетом христианских святых. Это лишний раз доказывает, что при создании месяцеслова народ шел не от святцев, а от накопленного веками цикла календарных примет, освященного трудом и наблюдательностью дедов и прадедов.

2) Народный агрономический и обрядовый календарь был создан на основе определенных астрономических открытий. «Сперва астрономия, которая уже из-за времен года абсолютно необходима для земледельческих народов»¹⁰. Реальным свидетельством первых астрономических наблюдений считается появление своеобразных рисунков — кружков и полумесяцев в изобразительном искусстве неолита¹¹. Д. О. Святский приводит неолитические рисунки, трактуемые им как изображения созвездий Большой Медведицы и Плеяд¹². Впрочем, для целей сельского хозяйства достаточно наблюдений за Солнцем в его годовом цикле, так как именно его движение определяет ту периодичность жизни природы, которая проявляется в чередовании сезонов. Чтобы построить календарь, соответствующий природному ритму, надо сначала обнаружить, что высота полуденного Солнца над горизонтом в разные времена года

⁷ Чичеров В. И. Указ. раб., с. 16.

⁸ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопр. истории, 1974, № 1, с. 13.

⁹ Ермолов А. Указ. раб., с. 212, 215, 268, 371, 472, 425, 529.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 500.

¹¹ Дикшиг С. К. Введение в археологию. М.: Изд-во иностр. лит., 1960, с. 248.

¹² Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 2. — В кн.: Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М., 1962, с. 26.

неодинакова, затем суметь определить дни, когда оно достигает крайних положений (солнцестояний), и от одного из этих дней (или от одного из промежуточных — равноденствий) провести отсчет. Получается календарь, относящийся к категории «солнечных». Этот вывод стоит подчеркнуть: народный земледельческий календарь с необходимостью должен быть солнечным. Известные ныне народные календари подтверждают это: солнечным является хозяйственный календарь таджиков, «привязанный» к дню зимнего солнцестояния¹³; тяготеет к солнечному народный календарь Древней Греции¹⁴; высоко он ценится и в римское время: «Все наши нынешние знания о небе, полезные для сельского хозяйства, опираются главным образом на наблюдения ...четырех важнейших точек: двух тропиков, или солнцестояний, и двух равноденствий, которые делят год на четыре четверти по различным временам года»¹⁵. Память о том, что исконный славянский календарь был именно солнечным, сохранилась в убеждении, что славяне вели счет времени по сезонам¹⁶.

Народный календарь был неизмеримо более точным, чем юлианский. Это может показаться совершенно невероятным, если ныне принятый тип календаря мы будем считать единственно возможным. Назовем его «полным»; его основная черта — непрерывный счет дней в течение всего года. Поскольку длительность года не выражается целым числом дней, точность такого календаря зависит главным образом от того, насколько верно определена продолжительность солнечного («тропического») года. Египетско-европейская календарная традиция насчитывает около 6 тыс. лет, однако измерение длительности тропического года с точностью, достаточной для хозяйственных целей, было произведено только в середине XVI в. немецким астрономом Э. Рейнгольдом: его год равен 365 суткам, 5 часам, 49 минутам, 16 секундам¹⁷. Таким образом, большую часть времени своего существования полный солнечный календарь точным не был. На этом основании делается поспешный вывод, что астрономически точный календарь был введен сравнительно недавно; все, что было раньше, считается более примитивным. Это относится и к народным календарям — даже в научной литературе можно встретить суждения вроде следующего: «Способы определения времени в народных календарях не отличались большой точностью»¹⁸. При этом не учитывается, что само существование народного календаря как земледельческого теряет смысл, если его погрешность за обозримый промежуток времени превышает одни сутки: приметы, сместившиеся на сутки, перестают быть верными. И — что не менее важно — не допускается возможности того, что народные календари могли существовать в иных условиях, чем официальные.

Принципиальное отличие народного календаря от привычного для нас полного солнечного состояло в том, что непрерывный счет дней распространялся здесь только на часть года (пусть даже значительную); в этом смысле он являлся «неполным». Характерным примером может служить календарь, запечатленный на поверхности сосуда IV в., который (в расшифровке Б. А. Рыбакова) охватывал период с 1 апреля по 7 августа (с учетом верхнего пояса значков — квадратиков)¹⁹. К этому типу относится, по-видимому, своеобразный вышитый календарь, бытовавший в Каргополье вплоть до конца XIX — начала XX в.²⁰ К сожа-

¹³ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Указ. раб., с. 97—103.

¹⁴ Гесиод. Труды и дни.— В кн.: Эллинистские поэты. М., 1963, с. 141—168.

¹⁵ Плиний Старший. Естественная история. Кн. XVIII. Гл. 25.

¹⁶ Селешников С. И. Указ. раб., с. 153; Каменцева Е. И. Хронология. М.: Высш. шк., 1967, с. 50.

¹⁷ Селешников С. И. Указ. раб., с. 66.

¹⁸ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Указ. раб., с. 153; см. также: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 46.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян.— Советская археология (далее — СА), 1962, № 4, с. 85—86.

²⁰ Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки — месяцесловы.— Сов. этнография, 1978, № 3, с. 139—148.

лению, автор публикации без достаточных оснований совместил исследуемый им календарь с юлианским, не придав значения тем обстоятельствам, что кольцо вышитого имеет разрыв и что число делений на нем не равно и не кратно числу дней юлианского года. По-видимому, это следует расценивать как ясное указание на «неполноту» изображенного календаря.

При всей парадоксальности (по современным понятиям) такого решения народного календаря оно ясно соответствовало понятию сезонности и именно тому обстоятельству, что сезоны весьма неравноценны как по интенсивности и разнообразию труда, так и по общей их значимости: календарному счету подвергались лишь некоторые, наиболее насыщенные периоды года. «Неполнота» этого календаря прямо соотносилась с характером крестьянского мышления: крестьянин «не думает силлогизмами, не мерит пространство геометрически, а время — правильными сроками, которые можно исчислить» (здесь и далее разрядка моя. — В. В.)²¹.

«Неполнота» календаря, возможно, была его недостатком, так как она требовала ежегодного подтверждения астрономическими наблюдениями. Зададимся вопросом: каким образом пользовались этим календарем в те времена, когда еще не существовало никакой другой календарной системы? Как от Безвременья переходили к Времени? Вчера был день никакой, позавчера — никакой, а сегодня, оказывается, 1 апреля — надо запрягать, пахать под яровые. Как узнавали, что наступил в природе день, который надо совместить с первым днем календарного счета? Поскольку справиться об этом было негде, кроме как у самой природы, ответ возможен только один: неполный календарь в качестве необходимого условия своего существования предполагал **ежегодные астрономические наблюдения** с целью определить какой-либо из основных дней солнечного цикла — солнцестояние или равноденствие. Но в то же время «неполнота» оказывалась преимуществом: эти наблюдения и ежегодная «привязка» к какой-либо точке солнечного цикла служили средством, обеспечивающим точность этого календаря. Отсюда ясно, что народ должен был пользоваться только им: никакой полный календарь (до появления григорианского) не мог удовлетворить крестьянина из-за своих погрешностей и неизбежно следовавших за ними корректировок.

При этом сразу возникает целый ряд вопросов: в состоянии ли были люди далекого прошлого вести тонкие астрономические наблюдения? Как, с помощью каких устройств и инструментов они могли проводить их? Есть ли какие-либо свидетельства того, что такие наблюдения действительно проводились? На все эти вопросы в последние 10 лет даны положительные ответы. Обнаружена и описана большая группа памятников IV—II тыс. до н. э., трактуемых как астрономические обсерватории для наблюдения определенных моментов в движении Солнца и Луны²². Во всех случаях параметром наблюдения являлась не высота светила над горизонтом, а азимуты точек восхода и захода. При наблюдениях Солнца учитывалось известное явление — в дни равноденствий точки восхода и захода лежат на линии восток — запад, летом они смещаются к северу, зимой — к югу, достигая крайних положений в дни солнцестояний. Для определения какой-либо одной точки достаточно иметь два визира (каменных или деревянных), сориентированных на эту точку²³. Поиск таких древних обсерваторий облегчается, если хотя бы один визир был выполнен в виде большого камня (мегалита, менгира); гораздо труднее обнаружить лунки от деревянных столбов и интерпретировать их как элементы обсерватории²⁴. И наконец, значительные трудности представляет случай, когда дальний визир вообще не создавался, а в качестве него использовалась какая-нибудь особенность

²¹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. Спб., 1914, с. 220.

²² Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М.: Мир, 1981, с. 27—32, 106—123 и др.

²³ Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1973, с. 126, 158.

²⁴ Вуд Дж. Указ. раб., с. 110.

на линии горизонта²⁵. Во всех вариантах точность наблюдения тем выше, чем больше расстояние между визирами. Лисбая линия визирования, фиксирующая определенное положение Солнца в его годовом цикле, является в то же время календарной: она указывает дату этого события. Так, например, обсерватория в районе Баллохроя (Шотландия) служила для наблюдения захода Солнца в день летнего солнцестояния, обсерватория около деревушки Кинтро — для наблюдения его же в день зимнего солнцестояния²⁶. Недаром подобная обсерватория, отмеченная у индейцев хопи на юге США имела название «горизонтальный календарь». Обслуживающий ее жрец должен был предупреждать людей о наступлении важных дат²⁷.

Исследования английских ученых убедительно показали, что точная наблюдательная астрономия возникла на ранних, догосударственных стадиях развития человеческого общества, она — достояние не городской, а сельской земледельческой культуры. Этот вывод потребовал пересмотра привычных представлений о «неграмотной сельскохозяйственной общине, технология которой исчерпывалась обработкой камня и бронзы, а члены жили в тяжелых антисанитарных условиях, умирали рано и кое-как добывали себе пропитание с помощью примитивнейших способов обработки земли»²⁸, и заставил признать, что «первобытные люди Европы были гораздо более развиты в умственном отношении, чем это считалось прежде»²⁹.

Строительство мегалитических обсерваторий на Британских островах прекратилось в середине II тыс. до н. э.³⁰, однако связанная с ними астрономическая традиция и точный календарь не исчезли: их существование можно проследить в IV и даже в I вв. до н. э.³¹. Эти последние полторы тысячи лет надо рассматривать как время угасания мегалитической культуры, но отнюдь не исчезновения народной астрономии, которая не имеет однозначной связи с культом камня. Заметим, кстати, что и на Британских островах одновременно с каменными существовали деревянные обсерватории; о некоторых их следах упоминалось выше, следы деревянных визиров обнаружены вокруг знаменитого Стоунхенджа³². В 3 км от него найдены остатки святилища Вудхенджа, которое интерпретируется как деревянный прототип Стоунхенджа: ось Вудхенджа ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния³³. Судьбы «деревянной астрономии», к сожалению, не привлекли к себе еще достаточного внимания исследователей. Однако все сказанное выше позволяет сделать предварительный вывод, что именно «деревянная астрономия» возникла вместе с земледелием и с потребностью в календаре и затем сопровождала земледельческую культуру в каждой этнической группе как неперенный ее атрибут. И дело здесь не только (и не столько) в технологической простоте и доступности деревянных визиров-идолов — дерево как объект поклонения на ранних стадиях религиозного сознания было сопряжено с земледельческими культами³⁴. «Деревянные боги могут быть поставлены в связь с сельскохозяйственными культами, далекими от зачатков государственности...»³⁵. Деревянные элементы обсерваторий в некоторых этнических культурах заменялись каменными: развивалась и угасала боковая ветвь народной астрономии — астрономия мегалитическая. Но несмотря на свою «эпизодичность», она донесла до нас общие принципы народной астрономии. Эти принципы можно кратко сформулировать следующим образом. 1. Народ-

²⁵ Там же, с. 112.

²⁶ Там же, с. 113—114.

²⁷ Там же, с. 244.

²⁸ Там же, с. 28.

²⁹ Хокинс Дж., Уайт Дж. Указ. раб., с. 203.

³⁰ Вуд Дж. Указ. раб., с. 249.

³¹ Там же, с. 251.

³² Там же, с. 210.

³³ Там же, с. 74; Хокинс Дж., Уайт Дж. Указ. раб., с. 109—110.

³⁴ Фрэзер Дж. Зслотая ветвь. М.: Политиздат, 1980, с. 137, 138, 140.

³⁵ Аничков Е. В. Указ. раб., с. 346.

ная астрономия носит азимутальный характер: объектами наблюдений являются точки восходов и заходов светил, для Солнца — точки восходов и заходов в дни солнцестояний или равноденствий. 2. Народная астрономия имеет прикладное значение. Являясь частью земледельческой культуры, она обслуживает нужды земледелия с помощью календаря и закреплённых в нем религиозных обрядов. 3. Народные астрономические наблюдения позволяют фиксировать положение Солнца в его годовом цикле с точностью до одного дня; народный календарь, основанный на этих наблюдениях, имеет высокую, «абсолютную» точность: его даты ежегодно приходятся на одни и те же дни солнечного года, отсчитываемые от соответствующих точек равноденствий или солнцестояний. 4. Поскольку народный календарь неполный, астрономические наблюдения представляются существеннейшей его частью, его сердцевиной; они проводятся ежегодно в течение всего времени, пока он действует (для народов Северной Европы — до момента принятия каждым из них церковного юлианского календаря).

Сказанное, безусловно, относится и к культуре славянской этнической общности, и к древнерусской народности. Будучи культурой земледельческой, она в глубокой древности должна была создать четкий календарь и разработать методы астрономических наблюдений, номенклатура которых определялась потребностями календаря и агрономии. Впрочем, «глубокая древность» по отношению к славянам — понятие спорное. По одной из современных теорий, специфически славянская культура сформировалась не ранее рубежа V—IV вв. до н. э.³⁶ В рамках этой теории можно предположить, что календарь был создан в предшествующие эпохи, до выделения славян из древнеевропейской общности. Но это, может быть, слишком осторожно. Б. А. Рыбаков просматривает черты протославянской культуры с конца III тыс. до н. э., праславянской — с середины II тыс. до н. э.³⁷ Вещественное доказательство существования славянского календаря относится к IV в. н. э. — это упоминавшийся выше календарь на сосуде из с. Ромашки Киевской области, найденный в ареале черняховской культуры. Общеизвестно упоминание названий славянских месяцев в памятниках письменности Древнерусского государства.

Славянский календарь опирался на астрономические наблюдения. В XII в. в знаменитом языческом храме на о. Рюген, в Арконе, летний праздник Святовита отмечался 15 июня по юлианскому календарю³⁸ — в истинный день солнцестояния в этом веке. К XVI в. погрешность юлианского календаря увеличилась еще на 3 дня, солнцестояния стали приходиться на 12 июня и 12 декабря, о чем народ знал. Последнее видно не только из того, что днями солнцеворотов в месяцеслове названы именно они (см. выше). Это подтверждается и своеобразным обрядом, совершавшимся в Московском кремле в XVI в. В день Спиридона перед царем предстал звонарный староста Московского собора как блюститель «часобития» (звона часов), бил челом и докладывал, что «отселе возврат Солнцу с зимы на лето, день прибывает, а ночь у малается». За эту радостную весть царь жаловал старосту деньгами — выдавалось 24 серебряных рубля. На летний солнцеворот (12 июня) тот же докладчик приносил весть: «...отселе возврат Солнцу с лета на зиму, день у малается, а ночь прибывает». За эту прискорбную весть его запирали в темную палатку на Ивановской колокольне не менее чем на 24 часа³⁹.

Узнать о наступлении дня солнцестояния можно было только из непосредственных наблюдений; о том, что такие наблюдения велись в середине XVI в., свидетельствуют материалы Стоглавого собора, осудившего тех, которые «от бесовских научений... по звездам и по планитам

³⁶ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 48—49.

³⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 220—227, 230—284.

³⁸ Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1. — В кн.: Историко-астрономические исследования. Вып. VII. М., 1961, с. 78.

³⁹ Там же, с. 80.

глядят и смотрят дней и часов»⁴⁰. Народные астрономические наблюдения, как отмечалось выше, имели азимутальный характер. Каждая обсерватория представляла собой систему визиров на точки восходов и заходов Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний. Эта гипотеза удовлетворительно объясняет специфические термины, которые так просто и непринужденно применяли русские летописцы для координирования небесных явлений. Так, например, комета, наблюдавшаяся зимой 1471/72 г., описана так: «Того же месяца декабря по рождестве Христове явися на небеси звезда велика, а луч от неа долог велми . . . а въсхожаще о шестом часе ноши с летнего въсхода солнечного, и идяще к западу летнему же . . . месяца того же генваря, по крещении, другая звезда явися хвостата над летным западом»⁴¹. Наблюдение за кометами в 30-е годы XVI в.: «Явьшеся звезда велиа над летным въсходом солнечным по многиа зари утрениа . . . и последи, того же месяца, явьлиеся та же звезда в вечерней зари . . . и луч от неа сиаше червлен вверх же над летним западом»⁴². Стоглавый собор не обошел молчанием и основы астрономии, прямо осудив наблюдения и наблюдателей солнечных восходов, — этот накал явно просвечивает в необычном пассаже в главе 2 «Стоглава», которая начинается удивительной поэтической зарисовкой восхода Солнца, а затем методично развенчивает «чувственное» светило⁴³. Глава 3 в перечень ужасов греха, от которого «многие грады разоришася, и людие без вести быша, и великия царствия запустеша», включает и «идолопоклонение»⁴⁴. Все это, конечно, не пустые слова: «Сей свягый собор многиа обычаа древня възбрани и отмета»⁴⁵. В данном случае вероятный объект борьбы — не символика язычества вообще, а капища-обсерватории, где среди визирных столбов находились идолы, нацеленные на определенные точки солнечных восходов.

Свидетельство «астрономичности» народного календаря можно видеть в одной особенности летописных датировок. Лишь в XI в. киевские книжники, отметившие существование народного календаря, сообщили славянские названия месяцев; с XII в. встречается иная терминология для обозначения категорий второй, неофициальной календарной системы: в 1136 г. «прииде Нсвугороду князь Святослав . . . месяца июля в 19 день, а луне небесней в 19 день»⁴⁶. Эта традиция доживает до XV в.: полное затмение Луны 10 марта 1476 г. датировано так: «Месяца марта в 10 день, а небесного февраля в 15 день начат гинути месяц»⁴⁷. Думается, что термин «небесный февраль» ни в какой календарной системе не применялся, это — христианизированное понятие: в представлении летописца месяцы народного календаря имели непосредственное отношение к небесным явлениям, постоянно сверялись с ними в отличие от формализованных юлианских месяцев. Самый факт ссылки на народный календарь в летописях говорит о том, что он широко применялся в общественной жизни Руси.

Выше высказывалось суждение, что народная астрономия должна была быть сопряжена с религиозными культами. Это значит, что обсерваторий в чистом виде существовать не могло: место, где наблюдалось Солнце, было в то же время и местом, где отправлялся его культ; святилищем, мольбищем, капищем и т. п. В отношении западных славян хорошо известно, что их храмы служили и целям астрономии⁴⁸. Культ Солнца был присущ и восточным славянам: «...окаяньнии полуденье

⁴⁰ Стоглав. Казань, 1862 (гл. 41, вопр. 17, с. 179).

⁴¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. Спб., 1859, с. 169.

⁴² Там же, с. 278.

⁴³ Стоглав, с. 22.

⁴⁴ Там же, с. 32—33.

⁴⁵ Там же, гл. 93, с. 402.

⁴⁶ Новгородская первая летопись. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 24.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VIII, Спб., 1859, с. 182.

⁴⁸ Срезневский И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846, с. 41, 49—50, 93.

чтут и кланяются на полдень обратившиеся»⁴⁹. Культ справлялся здесь скромнее, чем на Западе: «...приступиша к идолом и начаша жрети молнии и грому, и солнцю, и луне»; некоторые идола были каменными, или роль объектов поклонения исполняли особые (особым образом установленные?) камни: «...а друзии огневи и камению и рекам и источником...»⁵⁰. Площадка с расставленными идолами могла использоваться для астрономических наблюдений: визирами могли служить соответствующие пары идолов, или каждый из идолов мог применяться в качестве ближнего визира, если дальние расположены на окружающих площадку холмах. Подобную культово-астрономическую площадку можно видеть в славянском святилище X—XI вв. на берегу оз. Доброго (Святого) в днепровском левобережье, недалеко от г. Рогачева. Оно состояло из двух кругов, ограниченных кольцевыми канавками; снаружи большего круга имелось три или четыре небольших рва, сориентированных по странам света, снаружи малого круга два рва — с северной и южной сторон. В центрах кругов отмечены ямы, определенные как места установки идолов. Особенность святилища — обилие ямок от многочисленных столбов; некоторые из них исследователи отнесли к системам, задающим определенные направления, таковы столбы внутри малого круга и по концам восточного рва. Безусловно, сориентированными были и центральные объекты двух кругов. Авторы публикации пишут, что меньший круг расположен «к востоку» от большего, но по прилагаемой схеме это направление, взятое по центрам ям, ближе к северо-востоку (азимут прилб. 65°), что соответствует визированию точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния⁵¹. Поскольку для астрономических наблюдений за каким-либо явлением достаточно двух визиров, значение может иметь и находка двух каменных идолов с острыми вершинами в с. Ставчаны Хмельницкой области⁵².

Увидеть астрономические площадки в историческое время гораздо труднее. О них намеками говорится в церковных поучениях периода Киевской Руси, порицавших идолопоклонение (см. выше; кстати, там прямо осуждались те, кто желал «оучитися острономии»⁵³; не отрицая за этим термином знаний, почерпнутых из народного источника, полагаем, однако, что он ближе к современному понятию «астрология»). Почти так же говорится о площадке в документе 30-х годов XVI в.: «Во многих Руских местех ...скверные молбиша идолские удержашася», представляя собой «лес и камене и реки и блата, источники и горы и холми, солнце и месяц и звезды, и езера»⁵⁴. Знаменательно, что почитаемые камни были сравнительно небольшими: посланному на искоренение этих мольбищ иноку Илие оказалось по силам «камение же ...в воду метати»⁵⁵. Впрочем, на территории нашей страны имеются и мегалитические памятники, например, так называемый Конь-камень на берегу Красивой Мечи в современной Тульской области. Предварительное обследование этого сооружения весом 35 тонн показало, что основное его назначение — астрономическое: канавка-«прицел» в верхней части камня направлена на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния⁵⁶.

Правомерность идентификации подобных культовых объектов с сельскими обсерваториями основывается на реальности народной астроно-

⁴⁹ Слово св. Григорья, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом...— В кн.: *Аничков Е. В.* Указ. раб., с. 386.

⁵⁰ Слово св. отца нашего Иоана Златоустого.— Там же, с. 89.

⁵¹ Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей.— СА, 1972, № 1, с. 146—153.

⁵² Винокур И. С., Хотюн Г. Н. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднепровье.— СА, 1964, № 4, с. 211—214.

⁵³ «Слово от св. Евангелия» в рукописи Новгородского Софийского собора и сборнике Троице-Сергиевой лавры.— В кн.: *Аничков Е. В.* Указ. раб., с. 85.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. V. Спб., 1851, с. 73.

⁵⁵ Там же, с. 74.

⁵⁶ Левин А. Легенды каменных великанов.— Сов. Россия, 1984, 25 июля, № 170 (8521).

мической культуры, основные вехи которой: фактическое умение определять дни солнцестояний (обряд доклада царю об этих днях; дни солнцеворотов в месяцеслове); ясные свидетельства того, что календарные сведения добывались из астрономических наблюдений («Стоглав»: «по звездам и по планитам глядают и смотрят дней и часов»), и имели азимутальный характер («летний восток», «зимний запад» — в летописях).

К сожалению, систематическая работа по астрономической интерпретации славянских святилищ и более поздних мольбищ не проводилась. Однако подходить к проблеме народных обсерваторий по принципу «не обнаружено, следовательно, не было» недопустимо, хотя бы потому, что это значило повторять ошибки прошлого. Так, в начале нашего века утверждалось без тени сомнения: «Археологические памятники славян ничего не говорят об их культе; не найдено ни одного идола или какого-нибудь изображения, имеющего религиозный характер ...не было у них даже и таких жертвенных мест, какими для финнов служили некоторые из городищ Дьякова типа»⁵⁷ — заявление, опровергнутое ныне по всем пунктам.

Очень важным является вопрос о жрецах, которые отправляли культ Солнца и производили при этом соответствующие наблюдения. Астрономическая площадка без астрономов функционировать не может. Тем не менее существование жрецов у восточных славян порой полностью отрицалось: «Князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов, о жрецах ни слова; князь переменяет веру, все люди делают то же, и жрецы не только не противятся, но о них нет даже и помину»⁵⁸. Однако это явное преувеличение, так как при отсутствии жрецов язычество восточных славян не стало бы стройной системой, обладающей «учением», где соединились «религиозная мудрость и таинственные знания»⁵⁹. Реальным свидетельством «системности» и организованности восточнославянского язычества является единый аграрно-обрядовый календарь. По Е. В. Аничкову, во времена Киевской Руси жрецов заменяли волхвы, которые «руководили религиозным сознанием, являлись прорицателями и пророками и таили в себе какие-то сокровенные знания»⁶⁰.

Институт волхвов безусловно дожил до XVI в. «Стоглав» называет волхвами и чародейниками именно тех, кто «по звездам и планитам глядают и смотрят дней и часов»⁶¹, — сообщение единичное, но многозначительное. По-видимому, волхвы были довольно обычным явлением русской действительности того времени, отношения между ними и населением были самые непринужденные: «...и к волхвам или к обавником ходят или в дома своя тех призывают хотящии уведати от них некая неизреченная»⁶². С волхвами по-прежнему держали совет представители власти; так, решение Ивана Грозного выдвинуть подставного царя Симеона Бекбулатовича объяснялось тем, что «волхвы ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть»⁶³. Вместе с тем ясно, что волхвов никогда не было так много, чтобы они могли руководить языческими обрядами в каждой семье, общине, деревне. Но этого, видимо, и не требовалось. Особенностью славянского, и в наибольшей степени восточнославянского, язычества было то, что с глубокой древности здесь кроме волхвов (которые представляются «верховными жрецами») действовал многочисленный отряд других жрецов: «При том быте, в котором жили славяне, в каждом роде старший был вместе

⁵⁷ Готье Ю. Железный век в Европе. М.—Л., 1930, с. 244—245.

⁵⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Соцэкгиз, 1959, с. 115.

⁵⁹ Аничков Е. В. Указ. раб., с. 236, 277.

⁶⁰ Там же, с. 270, 277.

⁶¹ Стоглав, с. 179.

⁶² Там же, гл. 93, с. 397.

⁶³ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 82.

и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем»⁶⁴. Что такое «совместительство» имело место и в XVI в., ясно из материалов Стоглавого собора, где домашние языческие обряды названы не иначе как «волхование»⁶⁵. Очевидно, и такой раздел волхования, как ежегодные астрономические наблюдения, необходимые для функционирования хозяйственного календаря, в России вплоть до XVI—XVII вв. был в состоянии выполнить каждый «большак». В трудных случаях он мог посоветоваться с волхвом.

Совокупность приведенных данных со всей очевидностью свидетельствует о том, что славяне-язычники владели астрономическими знаниями и навыками, которые, в частности, давали им возможность определять день летнего солнцестояния и, следовательно, из года в год вести точный календарь сельскохозяйственных работ, агрономических и метеорологических примет-предсказаний. Возникшие для удовлетворения потребностей сельскохозяйственного производства азимутальная астрономия и основанный на ней календарь составили неотъемлемую часть народной культуры. Вплоть до перехода сельского населения России на юлианский церковный календарь (в XVI—XVII вв.) они функционировали как заурядные явления крестьянского обихода.

На крестьянина, впервые соприкасавшегося с юлианским календарем, последний должен был производить впечатление занятой диковины: он исчислял весь год без единого пропуска, ему не требовалась ежегодная астрономическая сверка, так как он имел в себе механизм для поддержания своей точности в течение довольно долгого времени (система високоса). Поскольку принятие нового календаря народом означало не только переход на иной, специфический счет времени, но, главное, совмещение с ним знаний и представлений, связанных с доюлианским календарем, можно с уверенностью утверждать, что в течение ближайших ста с небольшим лет эта «календарная реформа» не отразилась на хозяйственной жизни страны. Но во второй половине XVII в. погрешность юлианского календаря превысила одни сутки, что вызвало сползание календарных дней по дням солнечного года и сразу же превратило народную календарную мудрость в фикцию. Народ стал строить приметы, формулировать предсказания и на их основании организовывать свою хозяйственную деятельность не по исконным приметным дням, а по соседним, следующим за ними. Иными словами, уже к концу XVII в. народ утратил правильность своего календаря. Помня пословицу: «День упустишь — годом не наверстаешь», можно полагать, что это должно было иметь отрицательные последствия. В дальнейшем погрешность календаря продолжала расти: накануне XIX в. она составила уже 2 дня (относительно XVI в.), с начала XX в. — три дня. В эти три столетия народный календарь уже не выполнял своей культурно-хозяйственной функции; он представлял собой лишь внешнюю оболочку, лишенную реального смысла.

Некоторым подтверждением сказанному могут служить следующие данные. Известно, что нормой удобрений в XVI в. считалось 30 возов навоза на десятину⁶⁶; норма удобрений в первой половине XIX в. выросла до 60 возов на десятину⁶⁷. При этом если в XVI в. было отмечено 11 неурожая, в XVII — 12, то в XVIII — уже 34, а в первой половине XIX в. — 39⁶⁸. Безусловно, однозначной связи между сбоем календаря, вызвавшим нарушение всех агротехнических сроков, и ростом неурожайности нет; причин было много, но, несомненно, дефект календаря был одной из важнейших причин.

⁶⁴ Соловьев С. М. История..., с. 115.

⁶⁵ Стоглав, с. 402.

⁶⁶ Акты феодального землепользования и хозяйства. Ч. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956, № 175, с. 398.

⁶⁷ Горская Н. А. Земледелие и скотоводство.— В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 54.

⁶⁸ Историческое и статистическое обозрение неурожая в России.— В кн.: Сборник статистических сведений о России. Кн. III. Спб., 1858, с. 491.

Юлианский календарь	Русский календарный стиль (даты по современному календарю)	Приметы	Юлианский календарь	Русский календарный стиль (даты по современному календарю)	Приметы
6 января	16 января	Крещение: облачно, пасмурно, туман, снег — к урожаю; полный месяц — к большому разливу	29 июня	9 июля	Петров день: дожди — к урожаю; если кукушка кукует после Петрова дня, лето будет хорошее и долгое
2 февраля	12 февраля	Сретенье: какая погода на сретенье, такая и весна; если солнце покажется перед закатом, больших морозов больше не будет	20 июля	30 июля	Ильин день: дожди — к обильному урожаю ржи на следующий год
1 марта	11 марта	Евдокия: какова Евдокия, таково и лето; откуда ветер на Евдокию, оттуда и во все лето	6 августа	16 августа	Второй Спас, Преображение: после Спаса много паутины — к урожаю ржи на следующий год
9 марта	19 марта	40 мучеников: какова погода в этот день, такова будет еще 40 дней	15 августа	25 августа**	Успение: если нет ветра и дождя — вся осень будет ясная и тихая
25 марта	21 марта*	Благовещение: день ясный, солнечный, морозный — к урожаю, но лето будет грозное	1 сентября	11 сентября	Симеон: на Семена ясно, тепло — вся осень ведрая, теплая; ветер — к урожаю
8 апреля	18 апреля	Родион: в этот день встреча солнца с месяцем, начало пахоты.	1 октября	11 октября	Покров: какова погода на Покров — такова и зима; откуда ветер на Покров, оттуда будет во всю зиму
23 апреля	3 мая	Егорий: на Егория роса, дождь, снег, мороз — к урожаю, к легкому для скота году	8 ноября	18 ноября	Михаил: иней — к большим снегам; туман — к ростепели
2 мая	12 мая**	Борис и Глеб: запоют соловьи — к дружной весне	21 ноября	1 декабря	Введение: если ляжет глубокая зима — к богатому урожаю хлебов
9 мая	19 мая	Никола: дождь — к урожаю хлебов, Никола погоду устанавливает	26 ноября	6 декабря	Егорий (осенний): если на осеннего Егория выпадет много снега, то на весеннего будет трава
12 июня	22 июня	Петр Афонский: солнце на зиму, а лето на жары	6 декабря	16 декабря	Никола: мороз, иней — к урожаю; Никола погоду устанавливает
24 июня	22 июня*	Иван Купало: на Ивана ночь звездная — много будет грибов, роса — к урожаю огурцов	12 декабря	22 декабря	Спиридон: отколе ветер на Солноворот, оттоле будет стоять на 40 мучеников
27 июня	7 июля	Самсон: на Самсона дождь — 7 недель тож	25 декабря	22 декабря*	Рождество: холодно и вьюга — к урожаю хлеба. Рождество на ущербе месяца — лето будет сырое

Примечание. Предложенный способ пересчета дат надо рассматривать как основной, но не всеобъемлющий; некоторые из дат требуют более сложного пересчета. Ввиду неразработанности проблем народного календаря ниже следующие суждения предлагаются как предварительные.

* Даты, уходящие ко временам раннего христианства. Сюда прежде всего относятся дни Иоанна Крестителя (24 июня) и Рождество Христово (25 декабря) — оба по «старому стилю», эти дни прочно связаны с праздниками Купалы и Коляды, последние — с солнечными культами. У исследователей не вызывает сомнения, что языческое время этих празднеств — дни солнцестояний (Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979, с. 228—250; Чичеров В. И. Указ. раб., с. 22). Солнцестояния в эти числа имели место в I—II вв.; ко времени никейского собора календарь ушел вперед на двое суток, но солнечные праздники закрепились за датами 24 июня и 25 декабря. В дни крещения Руси солнцестояния были уже 17 июня и 17 декабря; если бы жители древнерусских городов — вчерашние язычники — отразили в юлианском календаре свои солнечные праздники, то Купалой мы называли бы сегодня Мануила, колядовать начинали бы с пророка Даниила. Но киевляне не посягнули на привезенный из Византии календарь, скромно сместив свои русалии — главные аграрные праздники языческого ритуального круга, посвященные плодородию полей, молениям о дожде и рождении новых колосьев (Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переplут. — Сов. археология, 1967, № 2, с. 101), на неделю. Народные русалии, видимо, оставались на своих местах. Когда русские земледельцы осваивали церковный календарь, днями солнцестояний были 12 июня и 12 декабря, но история повторилась: Петр Афонский стал всего лишь Петром-Поворотом, а купальские праздники остались за Иоанном Крестителем, отстоя от солнцестояния на 14 дней; то же и с зимним Спиридоном. Иногда утверждают, что дню зимнего солнцестояния повезло больше, чем дню летнего: «...все колядные обычаи огня передвинулись с даты 25 декабря на 12 декабря. Точно так же, как и в святки, па Спиридона стали жечь костры и катать с гор огненные колеса» (Святский Д. О. Указ. раб. Ч. I, с. 79), но это, по-видимому, преувеличение. Так должно было быть, но на самом деле обряды на Спиридона несравнимо беднее рождественских (Чичеров В. И. Указ. раб., с. 64).

К этой же группе дат относится Благовещение, 25 марта (по юлианскому календарю), трактуемое как праздник весеннего равноденствия.

Отношение к этим датам двойственное. С одной стороны, за ними ясно просматриваются традиционные языческие праздники астрономического характера. С другой стороны, нельзя не заметить, что в течение всей христианской истории эти календарные даты не соответствовали астрономическим явлениям, что почти безразлично для городской, но не для сельской культуры, где погрешность даже в одни сутки лишает календарь его внутреннего смысла. Оставляя за этими датами несомненное историческое значение, народные воззрения, связанные с ними, следует относить к 22 июня — Иоанн Креститель, 22 декабря — Рождество и 21 марта — Благовещение.

** Даты праздников, введенных русской церковью в XI—XV вв. В тех случаях, когда они до конца XV в. оставались сугубо церковным достоянием, их следует переводить на «русский календарный стиль» обычным образом, с пересчетом в 10 дней. Иной прием следовало бы применить, если бы за этими датами стояли какие-то языческие реалии. Предположительно такие реалии связаны с днями Бориса и Глеба (2 мая) и Успения (15 августа).

По мнению Б. А. Рыбакова, праздник перенесения мощей кн. Бориса и Глеба был введен русской церковью в XII в. для того, чтобы «закрыть» им «языческий праздник первых яровых всходов» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение ..., с. 21). Погрешность юлианского календаря в XII в. составляла 7 суток, следовательно, праздник должен был приходиться на 9 мая по григорианскому календарю (или на 49-й день после весеннего равноденствия). Время шло, народ в деревне продолжал праздновать по-своему, и когда в XVI в. он совместил свой календарь с юлианским (ушедшим вперед еще на трое суток), этот праздник должен был переместиться на 29 апреля ст. ст. Таким образом, если русская церковь в XII в. действительно «закрывала» этим способом крупный языческий праздник, то его обрядность и связанные с ним приметы надо искать 29 апреля ст. ст. Однако этот день (девяти мучеников Кизических, преподобного Мемнона-чудотворца, мучеников Лидора и Родопапа...) совершенно не отмечен народным месяцесловом. Это значит, что установление праздника Бориса и Глеба было вызвано не борьбой с язычеством, а какими-то иными, возможно политическими, причинами. 2 мая по юлианскому календарю надо рассматривать как рядовой день; хозяйственную окраску он приобрел в XVI в.

Аналогичная гипотеза высказана относительно праздника Богородицы, который с XI в. усиленно насаждался русской церковью. «Сам по себе этот эпизод в церковной литературе незначителен и с основной линией евангелия не связан, но на Руси появились сотни Успенских церквей... Объяснение находим в том, что праздник Успения Богородицы, женского божества плодородия земли, приходится на 15 августа, когда почти во всех восточнославянских краях завершалась жатва яровых и праздновался сбор урожая» (Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение ..., с. 21). Предпримем ту же проверку. Погрешность юлианского календаря в XI в. составляла 6 суток, языческий праздник урожая должен был справляться 21 августа по григорианскому календарю (или на 60-й день после летнего солнцестояния). В XVI в. этот праздник должен совместиться с юлианским календарем (ушедшим вперед на 4 дня) и прийти на 11 августа ст. ст. Но, как и в предыдущем случае, этот день (мучеников Евпла, Феодора и Василия Печерских, мученицы Сосанны девы ...) народным месяцесловом пропущен. Вывод: юлианский календарь запечатлел праздник урожая XVI в., его дата по григорианскому календарю — 25 августа (или 64-й день после летнего солнцестояния).

Из сказанного не вытекает, что оба эти праздника не существовали в домонгольской Руси, но они были в стороне от антиязыческой деятельности князей и церкви.

В XIX в. народный календарь привлек внимание ученых, и тогда же было отмечено, что к календарной агрономии народ относится критически, подчас даже с недоверием: «Кто по календарю сеет, тот редко (мало) веет»⁶⁹. Причины этого явления не объяснялись, не выяснялось и какая доля народных примет обращалась в практике сельского хозяйства. Современный исследователь В. А. Желнин утверждает, что из огромного количества народных примет-предсказаний сейчас соответствуют действительности только 5%⁷⁰. Таким образом, весь этот материал — творение народного гения, — накопленный в сотнях публикаций, представляет на сегодняшний день лишь чисто академический интерес. А он мог бы работать — пусть не в полном объеме, но в большей своей части.

Восстановить истинный народный календарь сегодня непросто. В этой работе ясно просматриваются два аспекта. Первый — исторический: необходимо воссоздать картину народного хозяйственного календаря с той же привязкой к дням солнцестояний, которая существовала у восточных славян и позже у русского народа до принятия христианства. Эту задачу можно решить, приняв «русский календарный стиль», характерная особенность которого состоит в том, что он получен путем прибавления к датам юлианского календаря поправки в 10 суток, так как именно такую погрешность имел юлианский календарь в XVI—XVII вв. Второй аспект — практический: ввести в практику современного сельского хозяйства народный опыт. Это большая и самостоятельная работа, требующая специальных исследований, так как метеорологическая обстановка, условия жизни и способы возделывания сельскохозяйственных растений за прошедшие четыре столетия, и особенно за последние полвека, претерпели кардинальные изменения. И тем не менее русский календарный стиль поможет использовать народные знания в современном земледелии, так как он представляет собой календарную систему, в которой вся совокупность подмеченных народом примет и наблюдений, весь объем народной сельскохозяйственной мудрости правильно соотносятся с современным календарем.

⁶⁹ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Изд-во худож. лит., 1957, с. 906.

⁷⁰ Раннаметс Л. Прогнозы Деда Погоды. — Комсомольская правда, 1984, 31 марта, № 76 (17981).

Э. Л. Нитобург

О ХАРАКТЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ США

В странах Америки в отличие от стран Европы и Азии большинство современных этнических общностей появилось в эпоху становления капитализма и развивалось характерными для капитализма ускоренными темпами. Не представляет исключения в этом смысле и североамериканская нация. Она начала складываться еще в первой половине XVIII в. и спаялась в ходе Войны английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783). Историческим рубежом, отметившим появление новой нации, как раз и были первая американская буржуазная революция и образование США. Но тогда сформировалось лишь ядро нации, процесс же ее дальнейшего этнического развития и консолидации не завершился и по сей день. Характерная его особенность — разновременность и неравномерность включения различных этнических и расовых элементов в структуру растущей нации¹.

¹ Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 12, 20.